

Истории / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Истории / рассказ ИСТОРИИ

Джейн чертила на песке пентаграмму, бормоча какие-то заклинания. Мэри смотрела-смотрела и спросила: «Зачем люди поклоняются Сатане, если он враг рода человеческого?» Джейн сказала: «Затем, что человек перестал эволюционировать, уничтожив своих естественных врагов. Раз нет естественных врагов, нужен сверхъестественный». «Но зачем молиться этому врагу? – снова спросила Мэри. – Разве враг станет исполнять их желания?» «Ему не молятся, его призывают», – ответила Джейн. «А если он придёт, пощадит ли он тех, кто его призвал?» – снова спросила Мэри. «Нет, – ответила Джейн, – когда он приходит, то не разбирает, кто его звал, кто не звал. Просто приходит и действует». – «Но тогда к чему его звать? Ведь им же самим может быть хуже?» (снова спросила Мэри). «Иногда просто из любопытства. Но скорее всего это не сработает. Нужно, чтобы любопытство было очень сильное. Но чаще его зовут те, кто отчаялся» (снова ответила Джейн). «А почему они не зовут Бога?» (снова Мэри). «Потому что они поняли, что Бог не придёт. Бога не зовут, Богу молятся. И ждут. День ждут, два. Год. Десять. И когда уже отчаиваются, то перестают молиться и идут звать Сатану». «Но они об этом потом жалеют?» (Мэри). «Не всегда, – (Джейн). – Иногда они настолько отчаялись, что им всё равно. Они считают, хуже быть уже не может». – «Но всегда бывает хуже?» (Мэри). «Почему? Иногда бывает лучше, – (Джейн). – Просто не всем». – «Может быть, на самом деле это Бог приходит на их зов? Может, он приходит только к тем, кто совсем-совсем отчаялся, настолько, что готов звать Сатану?» – предположила Мэри. «Хороший заход. Но неверный, – ответила Джейн. – Тот, кто приходит, – враг рода человеческого. Он помогает людям эволюционировать. Выживают те, кто сумел приспособиться. Им хорошо. А остальным не очень». – «Тогда это эгоистично, – сказала Мэри. – Даже если тебе очень плохо, то

неправильно, чтобы остальные из-за этого страдали». — «Да заткнись ты, — Джейн наконец выходит из себя. — Тебе нравится, что у тебя есть хвост?» — «Нравится», — смущается Мэри. «Нравится, что можно передавать и принимать мысли других людей на расстоянии?» (Джейн). «Нравится...» (Мэри). «Нравится, что у тебя два мозга, а не один, как у мартышки? Правда, один из них явно отстаёт в развитии». — «Нра... да всё мне нравится! Я не понимаю, зачем ты тогда это чертишь, раз мы себе нравимся». — «Не мы, а ты. Ты себе нравишься. А ты подумай лучше, тебе это кто всё дал? Бог? Если бы всё было по-божьи, ты бы сейчас в муках рожала детей. Если ты вообще понимаешь, о чём речь. И хвоста бы у тебя не было... И меня бы у тебя не было. И вообще, заткнись, дай мне закончить уже». — «А тебе тогда что не нравится? Зачем ты зовёшь Сатану?» — «Да ты, идиотка! Ты мне не нравишься. Я от тебя с ума сойду скоро. Хочу, чтоб тебя не было. Ты рудимент!» — Джейн со злостью трясёт головой и изо всех сил бьёт хвостом о землю. Мэри кричит: «Эй, эй, мне больно! Это и мой хвост, знаешь ли!» — «Знаю, — спокойно отвечает Джейн, — как будто мне не больно. Да мне всё равно, лишь бы ты заткнулась наконец», — и продолжает вычерчивать пентаграмму, бормоча заклинания.

Как-то в маленьком городке судили убийцу, который зарезал своих детей и теперь утверждал, что слышал голос Бога и что Бог повелел ему сделать это. Призвали врача и священника. Сперва к подсудимому зашёл священник. После долгих и обстоятельных расспросов он пришёл к выводу: подсудимый добрый христианин, но одержим бесом. Беса надо изгнать, а христианину дать возможность покаяться. Потом приступил к расспросам врач. Он тоже внимательно выслушал подсудимого и пришёл к выводу: тот на момент совершения своего преступления был безумен, в остальном же рассуждает здраво. Стало быть, и осудить его нельзя, а следует лечить. Священник заметил, что он ведь то же самое говорил, только другими словами, врач засмеялся и ответил, что слова разные, да и методы исцеления не вполне

схожи. Судья слушал их внимательно, заранее скучая, и тут вдруг на него снизошло знание. Он увидел всё как было, точно прежде на него были надеты шоры, чтобы он не мог видеть ни прошлого, ни будущего, а, словно покорная лошадь, был принуждён глядеть и глядеть в одно лишь настоящее. И от этого озарения сделался сам не свой. Ведь из того, что ему открылось, стало ясно с очевидностью, что подсудимый в тот день и в самом деле слышал голос Бога, а не демона или болезни, что Бог, отдавая ему такой приказ, имел в виду запустить определённую череду событий, в которой и смерть детей, и, главное, казнь самого подсудимого – лишь звенья одной цепи, сдерживающей гигантское зло, по сравнению с которым это ужасное преступление – лишь песчинка в океане. Секунда, длившаяся для судьи вечность, – и вот он уже снова надел назад свою голову, как будто ничего и не было. Но песчинка – вздор, когда она в океане, а не в твоём глазу. Теперь он не знал, что ему делать. Ведь и врач, и священник в один голос утверждали, что подсудимый, болен он или бесноват, не должен быть судим как нормальный человек. Священник говорит о бесах, врач – о болезни, однако никто не понимает, что истина в том, что его преступление было угодно Создателю, и кто он, судья, такой, чтобы препятствовать суду высшей инстанции? Было от чего прийти в замешательство. Судья отёр пот со лба и объявил перерыв. Сколько ни молился он всем богам, чтобы они и ему что-нибудь повелели, но те, видимо, решили, что сеанс окончен, в зале вспыхнул свет разума, а картинки на экране померкли. Решать предстояло ему. Хоть это и против правил, но судья ухитрился найти способ перекинуться парой слов с подсудимым. Подсудимый пребывал в полном отчаянье. Судья спросил его: чего бы ты хотел для себя? Подсудимый отвечал: я скорблю о своих детях и желаю лишь одного – поскорей соединиться с ними на небесах. Ибо Господь знает, что я не желал им зла и лишь выполнял его приказ. Я не знаю, за что он обрёк меня на такую муку, но моё ли дело знать? Авраам не спрашивал, и я не стану. Знает, подтвердил судья, но если я отправлю тебя на казнь, то все: и учёные люди, которые доверяют врачу, и набожные, которые слушают

священника, — все осыпят меня проклятиями. И подсудимый отвечал: не бойся. Даже если верующие и учёные проклянут тебя, то подумай о том, у скольких из них есть свои собственные дети, и вычти их из этого хора. Выгляни в окно и увидишь что-то, что заставит тебя отбросить всякий страх.

Судья выглянул в окно, и тут же лицо его прояснилось. Он вернулся в зал суда и вскоре вынес приговор.

«Как тебе удалось сбежать?» — спрашивали Берга, и тот отвечал: «Я обманул полиграф». — «Но как ты его обманул?» — «Я просто представлял в красках всё так, как собирался им рассказать, и в конце концов мой мозг привык к этой картинке, и когда меня спросили, то я ответил, и мой мозг ничего не имел против, он привык к тому, что я это повторял в деталях каждые несколько часов в течение нескольких месяцев в своём воображении». — «И таким образом у тебя получилось рассказать всё совершенно хладнокровно?» — «Не совсем. Если бы я рассказал совершенно хладнокровно, то это выглядело бы подозрительно. Люди не могут рассказывать о таких вещах совершенно хладнокровно. В определённых местах они должны испытать страх или гнев». — «И как же ты сумел их испытать именно там, где нужно было?» — «Я вспоминал что-то такое, что на самом деле до сих пор вызывает у меня страх или гнев». — «И что же это было?» — «Э, нет. Так я вам и скажи», — тут Берг засмеялся и стал похож на череп. Присутствовавшие не отставали: «И всё? Так просто? Это и мы сможем, если понадобится!» — «Нет, это не так просто. Вернее, непросто не это». — «А что тогда?» — «Штука не в том, чтобы придумать, как всё было по твоей версии. Это любой сумеет. Важно никогда не возвращаться мыслями к тому, как всё было на самом деле. Нужно не просто протоптать новую тропинку. Нужно дать старой тропе зарости бурьяном. Все на этом прокалываются. Ходят по новой тропе, а потом нет-нет да и свернут на старую. Новая становится сильнее, но и старая тоже. И вот в тот момент, когда приходит время, их мозг сворачивает на ту дорогу, которую знает лучше. Просто не думать об этом, стереть

начисто». Все призадумались. «Но как ты мог не думать об этом вообще? Ты ведь человека убил! Да не чужого притом». – «Да вот так. Взял и запретил себе думать». – «Да ты психопат, Берг! Расскажи нам, чего ты так боишься, что ты представлял, когда хотел почувствовать страх? Чего же боится такой психопат, пауков?» – «Ха-ха! Почти. Прививок. Я в детстве ужасно боялся прививок. Ходили слухи, что от них можно сделаться полоумным. Так боялся, что всегда придумывал способ, как от них уклониться». – «И стал без них психопатом! Слышите, все, надо делать детям прививки, а то без них ваши детишки подцепят какую-нибудь бациллу и станут психопатами, как Берг». В общем, все шутили и были рады за Берга, и тот тоже делал вид, что рад. Он и был рад. Скажи он теперь правду, вряд ли его бы сейчас чествовали как героя. Да он бы вообще отсюда не вышел. Но их обмануть дело нехитрое, они ведь не полиграф. Вот только его немного передёргивало, когда они обращались к нему «Берг». Именно это имя, а вовсе не прививки и не пауков, он и воскрешал в своей памяти раз за разом, когда по сюжету должен был испытывать страх или гнев. Старая дорога заросла бурьянами, и он желал Бергу провалиться ко всем чертям и никогда больше не напоминать о своём существовании, и подальше от этих весёлых людей, вообще подальше от любых людей.

Если ты едешь, допустим, на лошади, и вдруг понимаешь, что онадохлая, то подумай, как это вышло, что онадохлая, а ты едешь. Тут возможны варианты. Вариант первый: возможно, ты всадник Апокалипсиса. Вариант второй: возможно, ты тожедохлый, просто ещё не знаешь об этом. Вариант третий: возможно, лошадь приводится в движение каким-то встроенным механизмом. Когда приедешь, попробуй выяснить, каким. Вариант четвёртый: ты просто ошибся, лошадь не умерла, но спит. Не буди, будь человеком. Вариант пятый: возможно, всё наоборот,дохлый ты, а лошадь в порядке. Но из того мира этот кажется тем, чем из этого кажется тот. То есть потусторонним. Вариант пятый: перечитай внимательно договор с компанией, обеспечивающей

трансфер, возможно, там внизу мелкими буквами это условие было оговорено. Вариант шестой: возможно, спит не лошадь, а ты. Постарайся забыть об этом и продолжай спать, сон полезен. Вариант седьмой слишком палевный, мы его тут даже не станем упоминать, просто знай, что он есть. Но суть в том, что ни один из предложенных вариантов не подразумевает, что сдохлой лошади нужно слезть. Если ты едешь на лошади и вдруг понимаешь, что она дохлая, постарайся на этом не заикливаться. Лучше смотри по сторонам, запоминай, записывай. Когда будешь на месте, обо всём доложи. Кроме лошади. Доехал как-то – и слава богу. Мёртвые тоже люди, им жить на что-то надо, нет?

Об авторе: МАРИАННА ГЕЙДЕ

Родилась в Москве. Окончила философский факультет Российского государственного гуманитарного университета. Несколько лет жила в г. Переславль-Залесский, с 2005 г. снова в Москве. Автор ряда переводов текстов Фомы Аквинского. Публикации в журналах и альманахах «Вавилон», «Крещатик», «Октябрь», «Новый мир», «Новое литературное обозрение» и других изданиях. Лауреат поощрительной премии «Триумф» (2006), премии «Дебют» 2003 г. (в номинации «поэзия»), шорт-лист 2002 г. (короткая проза). За книгу стихов «Время опыления вещей» получила малую премию «Московский счёт» и премию «Стружские мосты» за лучшую первую книгу стихов международного поэтического фестиваля «Стружские вечера поэзии» (2006), за книгу прозы «Бальзамины выжидают» – Премию Андрея Белого (2012). Neкаýalar